

Книги Николая Берга
в серии «Эпоха мертвых»

НОЧНАЯ СМЕНА. КРЕПОСТЬ ЖИВЫХ

НОЧНАЯ СМЕНА. ЛАГЕРЬ ЖИВЫХ

НОЧНАЯ СМЕНА. ОСТРОВ ЖИВЫХ

МЫ ИЗ КРОНШТАДА. ПОДРАЗДЕЛ КОММУНХОЗА ПО ОЧИСТКЕ ОТ БРОДЯЧИХ МОРФОВ

ЭПОХА МЕРТВЫХ

НИКОЛАЙ БЕРГ
МЫ ИЗ КРОНШТАДА.
ПОДРАЗДЕЛ КОММУНХОЗА ПО ОЧИСТКЕ
ОТ БРОДЯЧИХ МОРФОВ

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б48

Художник
О. Бабкин

Берг Н.

Б48 Мы из Кронштадта. Подотдел коммунхоза по очистке от бродячих морфов: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 412 с.: ил. — (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1232-7

Человечество привычно к войнам. Любимые герои у людей — военачальники. Вся история — сплошные битвы. Потому, когда мир захлестнуло ордами восставших мертвецов, ничего особенного, в общем, и не произошло. Просто очередная война. Ну, немного другой противник, а так — дело известное. Привычная издавна работа. Герои книги уже знакомы читателям по «Ночной смене». Охотничья команда по поиску и ликвидации особо опасных мутировавших зомби. Обычная мужская работа.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1232-7

© Николай Берг, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

— Что молчишь как партизан, сын нерусского народа? — участливо спрашивает майор Брысь нахохлившегося Ильяса.

Снайпер неприязненно молчит. Потом тихо и неразборчиво начинает что-то кряхтеть себе под нос.

А что тут скажешь, операция прошла из рук вон плохо, а сам Ильяс облажался по полной. И для самолюбивого и гонористического человека, каким и является наш снайпер, этот конфуз вдвойне неприятен.

Да еще и чертов майор вместо крика и ора ведет вежливый разговор, тут скандал не устроишь и с темы не спрыгнешь. Остается кряхтеть и шептать себе под нос всякое, чтоб остальные не расслышали.

Честно говоря, мне сейчас Ильяса жаль: последнее время ему сильно не везет, причем началось это как раз в начале апреля в моем присутствии. Сначала мы ввязались в показавшуюся Ильясу очень выгодной комбинацию, а в итоге остался он без передних зубов; затем его супруга узнала про эскападу в госпитале. Смешно было предположить, что масштабная зачистка такого учреждения, да еще сводной группой алебардчиков и тому подобных вояк с холодным оружием, останется тайной. Разумеется, разговоров было по Кронштадту много. Опять же Ильяс, настояв на восточных доспехах и оружии для своей персоны, выглядел даже на общем фоне латников более чем экзотично. Одна булава с бычьей головой потом сколько раз поминалась.

Разумеется, жена узнала, что он ввязался в рукопашную драку. Уж что там у них произошло, никому не известно, но после общения мужа и повелителя с восточной раболепной и покорной женщиной на утренний сбор он пришел несколько

не в себе, каким-то востропаным и совершенно неожиданно для всех, а в первую очередь для себя, ляпнул:

— И лучшая из них — змея. Велик Аллах и Магомет пророк его!

Потом была реорганизация нашей охотничьей команды. Нас прибрали к рукам и построили, да еще теперь командует нами этот самый майор с нелепой фамилией Брысь. То есть и с командирства Ильяса попятити. Вроде бы как замом он остался, но кто понимает, тому растолковывать не нужно.

И даже прозвище это, которое сейчас прозвучало, сам же Ильяс себе и спроворил, когда, унимая разбушевавшегося спьяну соседа, на его возглас: «Я сын русского народа, а ты кто?» — меланхолично ответил: «А я сын нерусского народа. Пошли спать, а?»

Мужик стушевался и, обуреваемый когнитивным диссонансом¹ отправился баиньки, а Ильяс утром не подумав толком, похвастался своей удачей в знании психологии соседа. И все. Пропал.

— Ты что, совсем не слышал, что Блондинка сзади прошла?

Ильяс ежится дальше.

Морф, на нейтрализацию которого мы в этот раз отправились, и впрямь прошел у сидевшего в засаде Ильяса прямо за спиной, далее спрыгнул со второго этажа, проскользнул под носом у пары наших стрелков, потом уже морфа засек Серега, но тоже опоздал, и очередь из пулемета пропала зря.

Сереге тоже вставили фитиля, тем более что и впрямь промазал, а это с нашим пулеметчиком редко бывает. В отличие от Ильяса Серега, когда злится, шурится. Вот сейчас Серега шурится, а Ильяс кряхтит и ежится.

— Резюмирую, — говорит майор, — день угробили бездарно и бестолково. Морф второго вида, средний, облапошил нас сегодня, как малых детей. Чудо, что живы остались. Но такое везение нам не всегда будет выпадать. И к слову — то, что морф при жизни был блондинкой, тоже сослужило нам плохую службу. Расхолодились, раззявились. Так вот, напомним:

¹ Когнитивный диссонанс (*иронич.*) — состояние человека при столкновении в его разуме противоречивых знаний и поведенческих установок, когда из существования одного знания вытекает отрицание другого, в результате чего возникает ощущение психологического дискомфорта. — *Здесь и далее примеч. авт.*

если зомби удалось стать морфом, он уже не дурак, значит. И все анекдоты про тупых блондинок сочиняли несчастные брюнетки долгими одинокими вечерами, это тоже забывать не след... Так что единственная, кто сегодня молодцом, так это Хундфройляйн. Умница-девочка. Если б не она, думаю, что у нас были бы сегодня похороны разных глухих и нерасторопных. Доктору объявляю порицание, — совершенно неожиданно заканчивает майор.

— Мне-то за что? — удивляюсь я.

— Подумайте на досуге. Все свободны.

Начинаем расползаться.

Веселой выглядит только умница-девочка, немецкая овчарка, которую за боевые заслуги майор всегда величает деликатно Хундфройляйн — «моя собака по имени Фрейя».

Остальные выглядят хмуро.

Придерживаю за рукав Ильяса.

— Ну? — мрачно спрашивает он меня.

— Давай ко мне зайдем, — предлагаю ему.

— А зачем?

— Мысль одна возникла, надо бы попробовать.

— А да ну все к иблису, очень мне все это надо, не мальчик уже. Открою пекарню, катись оно шаром...

— А ведь ты на губы смотришь.

— Ты о чем?

— Ты действительно оглох. Не слышишь, а по губам читаешь уже, как глухонемой.

— Слушай, иди ты...

— Погоди, не топырься. Мне кажется, я знаю, что делать. Пошли попробуем.

Некоторое время снайпер сопротивляется. Потом, как бы деляя мне одолжение, соглашается, и мы с ним идем ко мне на квартиру. Последнее, что Ильяс успел, на командирском кресле сидя, это выбил нам жилье, весьма комфортное по нынешним временам. Во всяком случае, в том доме, где мы устроились, есть вода, иногда даже горячая, и периодически бывает свет. Мне, правда, не очень подфартило: кроме меня жильцами оказались и толпы клопов, с которыми пришлось биться не на жизнь, а на смерть. С переменным успехом.

Довольно непросто загнать снайпера в ванну. По-моему, слона зимой искупать проще. Но в конце концов голый Ильяс сидит в ванне и злобно на меня смотрит. Отмечаю про себя,

что он сильно изменился: когда в самом начале Беды мы встретились, он был такой вальяжный, пухлый, подернутый легким нежным жирком, каким обычно покрываются холёные мужики, живущие в полном благоденствии. Теперь жирка и след простыл.

Все так же подозрительно снайпер следит за моими манипуляциями. Простые манипуляции, чего уж: свинчиваю насадку-рассекатель с душа. Вода горячая есть, и теперь из душа вместо сотни струек лупит одна, такая гидромониторная.

— Отитов¹ гнойных у тебя не было? — весьма громко осведомляюсь у пациента.

— Чего?

— Ухи болели? Гной был? — Громкий ор все же Ильяс слышит.

— Нет, не было.

— А, ну тогда сиди смирно, раз барабанные перепонки у тебя целые.

Он все-таки дергается, когда струя теплой воды хлещет ему в слуховой проход.

Еще раз дергается, когда я тяну его за мочку уха: если ее тянуть книзу — слуховой проход распрямляется. Через минуту прошу Ильяса повернуться другим боком.

— И что дальше? — громко спрашивает он меня.

— Пока пополивай себя теплой водичкой, чтоб не мерзнуть. Ждем несколько минут.

— А?

— Ждем, говорю!

Честно признаться, мне все же немного страшно. Если я ошибся с диагнозом и причина глухоты иная, не ровен час снайпер посчитает, что это я над ним так поиздевался. Он вполне вменяемый человек, но полоса неудач редко кому добавляет благости в характер. Опять же восточный темперамент...

Ну, начали благословясь.

Я сильно радуюсь, когда вижу в струях воды на дне ванны мелькнувший маленький — меньше полсантиметра — темно-коричневый комочек.

— Ну, как слышно?

¹ О т и т — медицинское название воспаления уха.

— Ты чего орешь? — сварливо спрашивает пациент. И тут же говорит сам себе: — А!
— Значит, слышишь?
— Слышу, — недоверчиво отвечает Ильяс.
— Если интересно, вон причина лежит на фильтре слива.
— Эта, что ли? — брезгливо спрашивает снайпер.
— Она самая. Пробка из ушной серы. Давай повертайся, вторую вымывать будем.

Проверка слуха у помытого Ильяса показывает, что он слышит прекрасно и ставший привычным с института шепотной тест «Шульман пошли в шалаш» различает как и положено — с нескольких метров.

Однако радость у него быстро сменяется озабоченностью.

— Вот не было раньше такого. Старею.

— Не. Это зубы.

— Что зубы?

— Слыхал поговорку: ест, аж за ушами трещит?

— Нет. Это ты о чем?

— Зубы тебе выбило. Жуешь потому осторожно. А для того, чтобы сера не скапливалась, жевать надо от души. Тогда слуховой проход шевелится и самоочищается. А ты не жуешь.

— Ты серьезно?

— Совершенно. У человека все взаимосвязано. Промочил ноги — потекло из носа, хотя где ноги, а где нос. Майор мне сегодня правильно намекнул: надо мне за вас браться. Буду вам диспансеризацию проводить. И с зубами тоже решать надо. Не хочу тебе на мозоль наступать, но, видно, мне пора лезть. Да и у Андрея с зубьями не достача, и майору тоже есть что вставлять. Я как-то запустил дела.

Тут я прикусываю язык — Ильяс морщится, как от кисло-го. Он и сам малый не промах и нашел в условиях бедлама, который тут у нас после Беды, вроде бы шибко толкового стоматолога. Тот предложил достать золота, и побольше, чтоб осчастливить золотыми зубами кучу страждущего народа. Тогда, мол, Ильяс получит качественно сделанные зубы и потом (я так думаю была об этом речь, была) будет в доле со всех золотых зубов, что вставит стоматолог.

Я сначала-то и не понял, что нашу команду понесло к черту на кулички, на край Питера, да еще и в обстановке некоторой странноватой секретности. Оказалось, Ильяс решил обобратить

ювелирный магазин. Ну с этим мы опоздали, его обнесли до нас, наверное, в самые первые дни, только сделали это очень грубо, так что все, что было на прилавках, оказалось расшвырянным по всей улице, достаточно тесной, надо признать. Зомби сначала было немного. В смысле — в пределах видимости. Опять же обглоданных скелетов на улице не валялось, так что работать начали спокойно, не было там ни шустриков, ни морфов. Только вот работа оказалась нелепой — все содержимое витрин валялось разбросанным в разгромленном зале и на улице россыпью, вперемешку с битыми стеклами, всяким мусором и грязью. Стали собирать разные колечки-цепочки с асфальта. Потянулись зомби. Сначала по чуть-чуть. Потом гуще. Потом — ПОПЕРЛИ. Пришлось банально драпать, запершись в БТР. Всех сокровищ оказалась пригоршня грязных драгоценностей, да еще с одного из самых первых пошедших к нам зомбаков взяли как-то странно брякнувшую при падении тела сумку. Там оказались серебряные ложки.

На следующий день Ильяс долго искал своего стоматолога, взявшего накануне вечером ценности на стерилизацию и дебактеризацию, как он, оказывается, заявил. Выяснилось, что зубодер тем же вечером покинул анклав на микроавтобусе, двинувшись куда-то по Кольцевой.

Осталась от него только запись на КПП.

А следующим выездом уже командовал новоявленный «пришлый викинг» — тот самый майор Брысь. В итоге Ильяс зияет дыркой на месте передних зубов, стесняется улыбаться — ну и вообще... Плохо ему.

С майором житье у нас стало сильно иным. Были мы вольными казаками, охотничьей командой, а стали скучными регулярами с жестко прописанными задачами и обязанностями. Как не без ехидства заметил мой коллега, артель имени Шарикова¹. Того, который Полиграф Полиграфович. Только в нашу задачу входит ликвидация не бездомных кошек, а бродячих морфов.

Доля правды в его словах есть. Учитывая, что большая часть в нашей команде — охотнички со стажем, нас и направляют на такие операции, в которых надо угомонить что-либо заковыристое, не вполне подходящее для других боевых

¹ Главный персонаж повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». Работал начальником подотдела коммунального хозяйства по отлову бродячих животных.

групп, которые состоят из всяких собранных с бору по сосенке людей. Во всяком случае, такие следопыты, как пулеметчик Серега, там редкость. И без него у нас вряд ли что-нибудь получилось бы. Вот с Блондинкой облом вышел серьезный. Вроде и следов она оставила везде, и Серега разобрался, что да как, а вышло коряво. Хоть Блондинка и не заяц-русак, а получилось, что запутала она следы на славу, и Серега их не распутал, как должно. То, что морфию безуспешно уже пытались взять дважды мореманы (и одного, которого она утянула, так и не нашли, кстати), утешение кислое. Шуке мышей в амбаре ловить не с руки. А тут не мыши, что уж там говорить.

— Ну, в общем, теперь ты и сам справишься, если рецидив будет, — говорю я уже одевшемуся сослуживцу.

— А ждать было зачем?

— Чтоб размокла пробка. Вымывается тогда проще. Чай пить будешь?

— А насквозь не пробьет? В метро вон гидропушкой землю разносили. Чай буду.

— Если совсем без мозгов струю напрягать, да еще в ухо воткнуть... Хотя нет, не слышал, чтоб кто так убился. Садись, сейчас вскипит.

Жизнь напоминает несколько ошалелому после нестандартного излечения Ильяс, что клювом щелкать не надо, а надо все время быть на стреме — подходя к столу, снайпер запинается, чуть не брякается на пол, удерживается с трудом на ногах и раздражается фонтаном ругательств на нескольких языках. Полиглот у нас Ильяс, и этим чуточку бравирует. Но сейчас в ругани искренний тон — напугался. Явно.

В ответ на его брань из-под стола слышится злобное шипение и неприятный утробный мям.

— Это что? — неприлично для мужчины взвизгивает Ильяс.

— Лихо Одноглазое.

— Трехногий, что ли?

— Ага. Он самый. Под столом живет.

— Тьфу, кишка волосатая, в поликлинику тебя, на опыты, — выражает свое недовольство снайпер.

Понятно, вылезла котьяра глянуть, что тут такое, а умение у этой домашней скотины попадать под ноги и совать свой нос куда не надо — яркое и врожденное. И ведь не учится ничему.

А уж мог бы. Когда мы его подобрали, котейка был на волосок от весьма позорной гибели. Серега на ходу отщелкал троих зомби, которые уже кота живьем жрать принялись. Вовка притормозил БТР, а медсестрица нашей группы выскочила через десантный люк и вернулась с покалеченным котофеем на руках. Думаю, только то, что ему сильно досталось от зомбаков, обеспечило такой легкий захват — характер у животного мерзкий, и в руки он, как правило, не дается. Нас с медсестрой Надеждой терпит и признает достойными служить Его Величеству. Ко всем остальным относится высокомерно и по-хамски.

Потому, наверное, и живет под столом, что тут его лечили. В итоге он остался трехногим, одноглазым, бесхвостым и сильно драным, но живым. Живым и очень прожорливым. Когда обсуждали, как его назвать, начитанный Саша, стрелок и связист в одном лице, предложил назвать его Счастливымчиком, но Вовкино предложение понравилось больше, и теперь эта живность уже привыкла реагировать на официально присвоенное ему имя — Лихо Одноглазое.

Надо заметить, что кличку свою кот отрабатывает на все сто. Вот чуть снайпера не искалечил.

Чай у меня неплохой, это Ильяс охотно признает. Разумеется, он же его мне и презентовал. С заедками несколько скучнее: только халва с арахисом, твердоватая и староватая, зато ее много — ящик.

Пока пили чай, Ильяс, по-моему, все же кота пнул. Во всяком случае, настроение у него выправилось, и уходил он уже куда как более довольным, чем пришел. И славно. Не знаю, какой из него будет пекарь, а вот как снайпер он весьма полезен. Видел неоднократно. Конечно, второму нашему снайперу он все же уступает. Андрей именно настоящий снайпер, до мозга костей. Ильяс же и сам признает, что именно в снайперской стрельбе он послабее. Правда, это его не очень огорчает: до недавнего времени жил-то он куда как лучше Андрея, да и сейчас, в общем, его семья пристроена неплохо, а Андрей вообще бобыль.

Это позволяет Ильясу примириться с тем, что как снайпер он несколько э-э-э... ну не хуже, конечно, но как бы превосходит в другом.

В вылазке за Блондинкой Андрей участия не принимал. Уже и лето, а его проблемы с суставами так и не кончились. Вот он и остался на острове, благо сегодня очередные стрель-

бы для подростков и вместе с нашим сыном команды Демидовым (или как еще назвать приставшего к группе беспризорника) как раз там оба по самые уши и были заняты.

Да и мы, честно говоря, не ожидали от морфини такой прыти. Блондинка, да еще в ошметьях каких-то розовых тряпок, некрупная, зооморфная, то есть передвигающаяся на четвереньках, с чего-то показалась всем совершенно рутинной целью. Потому провал получился крайне неприятный для нашего самолюбия и репутации.

Собственно, только моя собака тут и отличилась. Она еще толком-то и не собака, щенок пока, пухлый и толстолапый, но, как и все живые собаки, зомби чувствует верхним чутьем и тут же дает об этом знать всем, у кого уши пробками не забиты. Не могу сказать уверенно: щенячья истерика спугнула Блондинку или она и так не собиралась с нами связываться, но обошлось без потерь. А у нас отсутствие потерь — основная гордость.

Правда, не для посторонних. Увы, только формально и только во время боевых вылазок. Но и это уже немало, что и говорить.

Вот, значит, ублажил я на сегодня Эскулапа, пора домашними делами заниматься.

Дел много. Во-первых, у меня стирка.

Я ненавижу стирку. Меня мало утешает, что, скажем, у Вовки те же проблемы, и носки всегда после стирки оказываются в нечетном количестве — либо их одиннадцать, либо пять, либо семь. Правда, я достаточно умен, чтоб пользоваться одинаковыми носками радикально черного цвета, но сам факт нечетности угнетает.

Во-вторых, надо готовить. С этим значительно проще — не стирка все же. Хотя тоже не все так просто. Голодных ртов-то куча получается, и у каждого свой вкус.

В-третьих... В-третьих, собака — это хорошо, конечно. Только, как оказалось, сильно непросто. Честно сказать, три раза бы еще подумал, прежде чем брать, если б знал, как оно будет. С детьми в клинике и то легче получалось. Когда мой коллега, именуемый Буршем за грозный вид и жутковатый шрам на щеке, принес пушистый колобок с круглыми глазами и кожаным носом, оно было умиротворяюще. Но оказалось, что внимания этому зверьку нужно очень много. Реально МНОГО. И возни с дитем этим собачьим тоже много. Дите ело,

пило, писало и гадило, невинно глядя на мир. А еще оно лезло, куда не надо, плакало, когда обижали, а обидой считалось и невнимание. Девочка же, хоть и в шерсти. Только очень зубастая девочка и грызет все подряд, как грызун какой-то. Зубастая шерстяная неуклюжая девочка. Сейчас у нее еще как-то внезапно отросли тяжеленные и здоровенные уши, которыми она пока управляет с трудом, и эти треугольные кульки то заваливаются на стороны, то ложатся чепчиком на щенячью голову, то храбро пытаются стоять по-взрослому.

А потом еще началась дрессировка. Коллега действительно помог, давая очень ценные советы, но и с ними все было не просто. Сегодня опять надо идти на площадку. Как оказалось, дрессируя собаку, дрессируешь и себя. Вот мне чего-то лень идти, а придется. Чертов Бурш страшно не любит, когда я опаздываю, да еще и приходит всегда за пять минут. С инструкторами нынче не просто, кто уцелел — работает на основной площадке служебного собаководства, благо собаки теперь очень ценный товар, а уж обученные... Короче, занимаемся этим самостоятельно, правда, коллега что-то и впрямь умеет и советы дает толковые, но все же врач он, а не дрессировщик-профи.

Свалив шмотки в стиральную машину, сыплю жратву Лиху Одноглазому. Если есть чего в этой скотине хорошего, так только то, что жрет что ни дашь да гадит вне дома. За это качество я его ценю и уважаю. Еще хорошо, что со щенком кошка ужился, хотя и тут пришлось поломать голову, строго выполняя советы умного Бурша. Правда, и сложилось удачно — животины попали в дом почти одновременно, недоеденный кошак был слаб, как заядлый вегетарианец, — глаз-то открывал с трудом. Щен был совсем маленьким, да и территория этой квартиры была для всех нас чужой.

Раньше наша команда базировалась в Петропавловской крепости, куда нам повезло попасть в самом начале катастрофы. Нельзя сказать, что анклав получился мощным, но что называется — стены помогли. Тем более что стены худо-бедно были крепостными. В итоге удержались, не без помощи Кронштадта, конечно, но удержались. Когда первый ужас прошел, начались мелкие игрища. Кронштадт стал подгрести под себя все полезное. Петропавловка, как стоящая на Неве и хорошо укрепленная, тоже в полезное попала. Нет, особого давления не было, моряки все же считаются интеллектуально развитой

публикой. За горло руководство крепости было взято мягко и даже где-то с почтением и возможностью сохранить лицо. Просто-напросто в самом начале апреля погода отмочила привычный для Питера фортель — несколько дней было реально жарко, а потом грохнули заморозки.

Пока неясно, с чего это вышло, но нас подняли посреди ночи по тревоге. Собственно, посыльный опоздал — мы уже одевались, разбуженные трескотней пальбы и гулким, вразнобой четырехорудийным пушечным залпом, от которого зазвенели стекла. Когда мы выкатились из ставшего нашей казармой нумизматического салона и добежали до положенного нам по плану обороны места на Зотовом бастионе, впервые ужаснулись. Не было такого раньше. Черная толпа зомби смяла оборону обоих мостов и теперь густо перла, растекаясь по всему Заячьему острову. Кто-то из них падал на лед, потому как и по льду протоки эти нежити тоже шли. Пальба шла интенсивная, но какая-то растерянная, что ли, больно уж это все было неожиданно — словно кто-то организовал зомбаков на такой штурм.

Нас перебросили на Алексеевский рavelин сразу же, как оказалось, что одиннадцать метров в высоту зомбаки преодолеть не могут и потому собственно крепости ничего не угрожает. А вот шесть метров на равелине вполне доступны для толпы зомбаков. И преодолевают они их весьма просто...

— Стрелять прицельно! Патронов у нас не вагоны! — орал Ильяс.

Другие командиры вопили нечто подобное. Но нервы у всех были ни к черту, и пальба шла истерическая. Не везде, конечно, но многие ребята и мужики из наспех сколоченной и собранной из сбежавшейся в крепость публики комендантской команды и гарнизона действительно лупили почем зря.

Хорошая была ночка, с заревом от ракет, с черными нескончаемыми толпами бредущих мертвяков, с пальбой, с громом старых музейных единорогов и лихорадочным сшибанием лезущих на стенку зомбаков.

Навал мы отбили, потом днем зомби почему-то перестали ломить. В спокойной уже обстановке удалось перещелкать тех, кто болтался по острову, восстановить укрепления на мостах и ужаснуться тому, сколько патронов извели. Артиллеристы, лупившие по толпе каменным дробом из древних единорогов времен 1812 года, тоже пожгли весь дымный порох, на-

копленный с таким трудом. Единственно, кто порадовался, так это команда бесшабашных поклонников холодного оружия. К утру прибыли группы поддержки из Кронштадта и из ооновского гнезда. Вот они носились по острову и отработывали на остатках нежители свои живодерские приемы. Со стен крепости это чем-то напоминало старую гравюру «Варфоломеевская ночь».

А мы пересчитали потраченные боеприпасы и приуныли.

Получалось, что еще один такой навал — и мы пополним ряды этих самых алебардистов, если только алебард в Артиллерийском музее хватит.

Кронштадтская база добросердечно и по-соседски помогла и с новым оружием, и с боеприпасами. Подкинули на бедность. Как уже выручили, было дело, в самом начале Беды, снабдив крепость всяким старьем еще из трофеев Великой Отечественной. Тогда кронштадтцы помогли нам оружием, выдали всякие древние карамульки да с ограниченным количеством патронов. Вот и снова помогли. И даже своих людей прислали в подмогу и дополнением к гарнизону. Только вот условия помощи оказались ожидаемыми. Крепость тихо и незаметно потеряла самостоятельность.

— Продали первородство за миску патронов, — метко заметил мой знакомец, матерый сапер по кличке Крокодил, живущий теперь в соседнем доме.

И я вынужден был с ним согласиться.

В итоге в крепость пошло оружие посовременнее, чем карабины Лебея, пулеметы Гочкисс и прочая антикварная архаика. Туда пошли люди Кронштадта, а вот из крепости тех, кто побоеспособнее (нас, например) перетянули в Кронштадт. Гарнизон крепости увеличился мало не втрое, так что следующего навала можно было не бояться. Но комендант крепости полковник Овчинников стал подчиняться приказам капитана первого ранга Змиева, главы Кронштадта.

Чем был вызван такой навал, после которого на саморазрушающиеся баржи для вывоза грунта (таскаемые зачуханной тарактелкой с гордым именем «Славянка») свалили несколько тысяч упокоенных, так никто пока и не понял. И новообразованная некробиологическая лаборатория ничего внятного не сказала. Не должны были зомби действовать организованно, а как на первомайскую демонстрацию перли.

Живем теперь в Кронштадте. По бытовым условиям пожа-

луй что и поудобнее, но безопасность здесь куда ниже. Мне, честно говоря, не хватает того ощущения, которое раньше было привычным и не замечалось, — чувства безопасности. Здесь в городе слишком много народа, да и не до конца зачищенных мест хватает. Потому приходится все время держать ухо востро, да и собаку собственно для того завел.

Поселили меня в трехкомнатную квартиру. Попутно в нее же Ильяс записал и нашу медсестру Надежду. Объяснено это было мне так, что, дескать, жилье это временное, если я перетяну из глухоманной деревни своих родителей в Кронштадт, то тогда можно и переиграть. А так девушка будет под защитой толкового бойца (это он меня так обозвал, гад), да и в случае чего из угловой квартиры два стрелка прикроют сразу два сектора, а не один — да то, да се, пурга короче. По-моему, он просто решил создать мне семью. Надька одинокая, я холостой. А Ильяс, глядишь, — благодетель. К моему удивлению, самостоятельная и занозистая медсестричка ничего против не сказала, ну а мне ершиться и вовсе не с руки. Всяко лучше, чем с Вовкой жить.

Такой вот Ноев ковчег получился. Кота подобрали за день до вселения, он собственно первым в эту квартиру и вошел. Правда, вошел своеобразно, валяясь половой тряпкой в картонной коробке, которую Надя несла перед собой. Потом я собаченцию притащил. Ну а клопы там уже были. Сейчас кровососов стало резко меньше, но иногда еще бегают. Ладно в конце концов не самое страшное. Перед катастрофой успел прочитать в инете, что по всему миру тараканы исчезают, а клопы что-то разошлись широко. Аж в Нью-Йорке их толпы появились, чего раньше не было. Знамение, что ли, апокалипсиса?

Так, теперь жратву собачине. Это самое сложное — не подумал бы, что щенячья диета такая хлопотная. Правда, и растет собачина не по дням, а по часам. По рекомендации коллеги миски зверюг стоят неподалеку от границы сфер влияния — двери на кухню. Вроде как видят животные друг друга во время приема пищи — и благожелательнее друг к другу относятся. Даже было дело подстилки им менял, чтоб к запаху привыкали. Ничего, привыкли вроде. Хотя щенку приходилось довольно много раз говорить «фу!», а кошака хлопать по заднице свернутой газетой... Опять же тезис Бурша — наказание должно быть всегда одинаковым, чтоб животное понима-

ла, чего от нее хотят. Странно, Надька к этому отнеслась с пониманием. Что удивительно — котьяра тоже. Ну, в общем, со всеми в квартире можно найти общий язык. Даже с клопами. Дихлофос они понимают правильно, факт.

Осталось для нас с Надькой еду приготовить. К моему глубокому огорчению, оказалось, что она готовить не умеет вообще. Ну разве что кашу на костре сварить.

Оно, конечно, неудивительно — многих девочек растили принцессами. Надя тоже из семьи, в которой на нее надышаться не могли, холили-лелеяли, а потом пришел Ельцин, сказал: «Берите свободы сколько угодно!» Свобода — это прекрасно! Особенно когда это свобода убивать, грабить, насиловать и держать рабов. Ну и оказалось, что семья Надежды — это мерзкие оккупанты на теле свободной и счастливой республики Ичкерия. За это родителей Нади при ней же весело убили свободные ичкерийцы, сама она попала в рабыни и нахлебалась столько, что я даже думать об этом не собираюсь. Как-то освободилась или освободили, как-то жила до встречи с нами, когда оказалось, что она прибежала в крепость в чем была, но с сумкой, набитой медикаментами. Знаю, что она отучилась где-то четыре курса мединститута, что отлично умеет оказывать первую помощь на поле боя, великолепно знает десмургию, как называется искусство перевязок, и очень недурно стреляет.

Еще знаю, что ее лучше не злить: довелось уже убедиться, что беспощадности она у ичкерийских рабовладельцев научилась хорошо и никакого слюнявого гуманизма к врагам у нее и в помине нет — вышибли это ошибочное заблуждение из нее, когда родителей убивали. Те как раз были интернационалистами и гуманистами, как, в общем, советских врачей и воспитывали. Глупые совки, да.

Так что знаю я про Надежду очень мало. Человек с действительно темным прошлым. Впрочем, ее прошлое меня не очень-то и интересует. Вот то, что готовить она не умеет совершенно, это меня печалит. Хорошо еще, что, как человек порядочный, она всю квартиру убирает, так что в нашей коммуналке всегда порядок. И посуда у нас всегда помыта, а я посуду мыть ненавижу. Пачкаю с охотой, это есть такой момент.

Готовка сегодня простая — разжился я кучей мороженных грибов, вроде как опята. Вот я их и пожарю, благо пара луковиц у меня есть, а еще имеется кусок мяса, вполне себе при-

личной свинины. На суп у меня задора не хватит, но покромсать и потушить опять-таки могу. Газа в баллоне на сегодня точно хватит, а потому можно еще и компот сварить — попались нам на глаза какие-то сухофрукты в последний раз. Это, может, европейцу сложно при апокалипсисе, а я еще застал СССР, когда вроде и прилавки пустые, а голодным никто не был; и перестройку, когда на помойках почему-то оказывались тонны колбасы, а в магазинах был шиш, и вот тут-то при Горбачеве голодом пахнуло. И гайдаровскую вивисекцию помню, когда реально жрать было нечего. Потом наладилось — при Путине, пожалуй, и вроде бы наступило изобилие, хотя внимательный взгляд обнаруживал, что есть строгий набор продуктов, да еще и цены все в два раза выше, чем в Европе, при впятеро меньших зарплатах... Так что не впервой, да.

Когда настает время бежать на площадку, обнаруживаю, что грибы все же странные. Их можно жевать, но вкуса грибного в них ровно никакого. И даже лук не помог. Вот мясо вполне удалось, а грибы...

Остается только надеяться, что моя соседка придет совсем очумевшая и проглотит, не разбираясь, что найдет. Она еще в больнице помогает, ей там пообещали, что натаскают до уровня врача, восполнив недостающие два курса и интернатуру богатой практикой. Вот она и усердствует. С гонором девушка.

Меня тоже старались припахать на благо уцелевшей в Кронштадте больницы. Но хитрый майор Брысь тут же воспользовался этим, и как только меня оставили в больнице, изъяв из команды, так он тут же заперол пару заявок, привезя совершенно не то, что у него главврач запросила. При этом и подкопаться к нему оказалось невозможно: Надя медсестра только номинально, образования формально у нее нет и потому разбираться в фармакопее или лабораторном оборудовании ей не с руки, сам майор много чего умеет и глубоко благодарен за вылеченный в этой самой клинике ревматизм, но вот разбираться в реактивах не его задача... Ну и так далее. Главврач в итоге плюнула, и теперь я опять в составе команды. И мне, честно говоря, это нравится больше, потому как лечить наших сограждан грустно — они вообще-то сволочи, эти наши сограждане, и стараются угробить себя всячески, категорически не желая придерживаться здорового образа жизни и нарушая все и всяческие рекомендации. Потом идут к врачу и требуют,

чтоб им в момент вернули здоровье, молодость и красоту. Мне к концу приема хотелось уже лупить по башке мамашек, от которых воняло табачищем гуще, чем от гренадеров и драгун петровских времен.

Ясно дело, корова! Твой ребяенок болеет и болеть будет, если грудью ты его не кормишь в принципе и куришь как паровоз в его присутствии. Еще б он не болел!

Нет, определенно мне нравится больше в нашей сумасшедшей компании, чем в клинике, которая сейчас и жнец, и швец, и на дуде игрец — поликлиническое звено в городе выбило почти полностью в самый же первый день прихода зомби.

Правда, свое освобождение мне пришлось отрабатывать, добывая всякие заковыристые вещуги в самых паскудных местах. Это майору сошло с рук, что он приволок грудю реактивов из лаборатории, да, к сожалению, не тех, что были заказаны, а совершенно ненужные реактивы на гепатит (которого с начала Беды след простыл, и потому вот именно на гепатит реактивы вообще-то не заказывались). Мне такая безграмотность будет не к лицу. Приходится доставлять именно требуемое, и в полной комплектации. Плюс теперь дважды в неделю надо кататься в Петропавловку — там медпункт так и остался на моей ответственности. И чтоб служба медом не казалась — еще пара ночных дежурств в клинике тоже мои. Гибрид дежурного врача и охранника.

Собака радостно тащит поводок, видя, что я надеваю башмаки и беру автомат. Для прогулок по городу у меня городской пистолет-пулемет судаевский, а вот калаш на выезды. Мощноват он для города. Да, такие милые времена. Раньше для прогулок тросточку брали. Потом плеер. Теперь автомат...

Бурш уже на месте. Собакевичи начинают радостно приветствовать друг друга, родственницы, чай, сестрички из одного выводка, или как там называются собачьи семьи.

И имена у них соответственные — сестричку зовут Исида. Собственно выбор был именно таким, чтоб шепотом позвать, если надо. Ну и чтоб солидно. А то их единокровного братика Костогрызом назвали, что не комильфо, мне кажется.

Дальше начинается дрессура... Называется это все ОКД¹ и, собственно, служит тому, чтобы сделать из собаки человека.

¹ О К Д — Общий курс дрессировки.

Иногда у меня складывается впечатление, что я сам столько всего делать не умею. Или умею, но плохо. Собаки же стараются изо всех сил, и смотреть на них, толстопузых, но старательных — уморительно.

После того как Бурш дал мне распечатки всех собачьих умений, которым мы их должны научить, я диву дался. Однокурсник из Эстонии, когда у меня гостил, всегда приходил с прогулок по Питеру немного офигевшим и утверждал, что у нас муниципалитет богатый и не ищет денег для бюджета. Дескать, в Эстонии собака без намордника, поводка и уж тем более не откликающаяся на свою кличку сразу дает весомый вклад в городской бюджет. В виде штрафа из кармана собачника. Ну а у нас этим не заморачивались.

Кстати, в Кронштадте уже есть в одном из приказов пункт об отстреле всех бегающих в неположенных местах собак, не сопровождаемых бегущими рядом с той же скоростью хозяевами. И весьма жесткие санкции для тех, у кого собака не на поводке и без намордника. Пятнадцать суток общественно-полезных работ, как называется деятельность в «отряде исправления 3-й категории».

Так вот, оказывается, и до Беды каждая вменяемая собака должна была знать свою кличку, прибегать к хозяину по первому зову, а в людных местах идти слева, держась плечом у ноги хозяина. Ну про поводок и намордник уже говорилось. Надо же. Я и не знал, как, впрочем, и сами собаководы.

Вообще-то Бурш то и дело ставит меня на место и многие мои разумения пускает дымом. Мне вот казалось, что дрессура унижительна для собаки. Типа, собака — она тоже личность. Но на дрессировку Фрейя рвется как на праздник, за четверть часа уже начинает поскуливать, скрестись в дверь и проявлять нетерпение. И на площадке старается изо всех своих пока невеликих сил и явно радуется, когда у нее что-то выходит. Бурш, правда, придерживается метода поощрения, потому мне приходится то давать вкусняшки, то гладить, то хвалить в устной форме, рассказывая щену, какая она умница. Она в ответ готова из шкуры вылезти. Коллега же все мои интеллигентские благоглупости разбил простым вопросом:

— Дрессура, значит, подавление индивидуальности? А когда человеческого детеныша учат говорить, ходить и есть самостоятельно, это, надо думать, тоже подавление индивидуальности? — Уел. А потом еще и дополнил: — Собака — стайный

хищник. Потому семья хозяина для нее своя стая. А в стае все сидят на своих полках по иерархии, согласно штатному расписанию. И либо хозяин — вожак стаи, и тогда для собаки все ясно и она с удовольствием играет по правилам, либо хозяин — пустое место, и тогда она сама становится вожаком. У подавляющего числа собачников вожак стаи именно собака. И это грустно, потому как вместо умного существа, от которого всем радость, получается вздорная, злая и тупая скотина. Глупость хозяина всегда на собаку переходит.

Ну, не возразишь. Вот и учим собак ходить и говорить... Есть самостоятельно они уже и сами умеют. Но трудно это все...

Уже в конце занятия собаченции внезапно начинают щетиниться, урчат и пятятся.

Странная реакция. Когда рядом зомби, Фрейя лает и прыгает на месте. И на Блондинку тоже так отреагировала. И до того — был уже морф, та же реакция. А тут попятнулись и дернули разом в дальний угол площадки. Аллюром три креста. (Не знаю, что это такое на самом деле, но звучит красиво — и, наверное, это значит «очень-очень быстро».)

Мы с Буршем тоже, не сговариваясь, начинаем отходить за собаками. Тяну с плеча ППС. Коллега оказывается только с пистолетом. Ничего не вижу сильно страшного. Но то, что мы оба вооружены не шибко, да к тому же я не в курсе, как Бурш стреляет, не настраивает на боевой лад.

— Пойдем глянем? — не очень уверенно спрашивает коллега.

— Не тянет. И одеты мы не толсто, и вооружены слабовато.

— Это да... А что там? Так Фрейя уже реагировала?

— Нет, так не было ни разу. На морфов она лаяла.

Смотрим на собак. Из-за стоящего в углу площадки металлического короба, где хранится всякий нужный инвентарь, опасно торчат два кожаных носа. Спрятались щенята.

— Что бы сделали персонажи в американском триллере? — спрашиваю я Бурша несколько нервно.

Он косо улыбается, отчего шрам на щеке шевелится как живой, потом отвечает:

— Они бы разделились и пошли посмотреть, что там за скелет танцует.

— Значит, мы что должны сделать? — пятясь, спрашиваю я его.

— Брать щенят на руки и валить отсюда, причем быстро. И мы выполняем намеченное действие с мужественной непреклонностью и стремительностью.

Только выбежав на городскую улицу, останавливаемся.

Щенята нервничают, но уже не так боятся, как на площадке. Значит, нечто отдалилось.

Начинаю вызывать майора. Отзывается с задержкой. Докладываю ситуацию. Хмыкает, приказывает дать координаты места, где стоим. Передаю рацию коллеге, он лучше тут ориентируется... Майор слушает, обещает прибыть через десять минут.

— Да, а что это вы говорили о крепостной стене, рядом с которой мы стоим? — осведомляюсь у напряженно посматривающего по сторонам коллеги.

— Так вот же она у вас перед глазами, — удивляется он.

— Вот этот заборчик?!

По-моему, я его обидел.

— А вы заберитесь на него сначала. Вполне нормальная крепостная стена. Ну не по всему периметру сохранилась, и башня только одна уцелела, но тем не менее.

Стоим, молчим. Смотрим по сторонам. Тормозим бабку с ротвейлером, которая шла явно на выгулочную площадку, где мы как раз занимались. Рекомендуем ей не переть на рожон до прихода патруля. Бабка вроде внимает голосу разума, но ее песик думает иначе и спокойно волочет старуху, не слишком обращая внимания на ее окрики, команды и прочие бессмысленные попытки удержать пса на месте.

Нелепая ситуация. Бурш выразительно смотрит на меня, на увлекаемую бабку и ничего не говорит. Он опытнее меня в собачьих делах, и, раз не вмешался, мне тоже не след соваться. Парочка тем временем прокорячивается в арку этой так называемой крепостной стены, и бабкина ругань несколько стихает. Но очень ненадолго, потому как внезапно она становится громкой, визгливой, потом ее словно обрезают, и мы видим трагикомичную картинку — песику тоже что-то сильно не понравилось у площадки, и теперь он стремительно несется обратно. Изредка успевая оттолкнуться ногами от земли, следом почти летит по воздуху бабка. Наконец она шмякается на землю, и теперь пес ее волочит плашмя, отчего скорость его передвижения несколько снижается, но не так чтоб сильно.

— Может, пристрелить животное, чтоб не мучилось?

— С ума сошли! Она хоть и старуха, а все-таки живой человек! Пункт 16-16 никто не отменял, — осаживает мой порыв коллега.

— Я вообще-то про ротвейлера говорил, — отвечаю я.

— Так и ротвейлер пока пункт 28-б не нарушает. Бежит со скоростью хозяйки. Все в порядке.

— Помогите! — орет бабка.

— Да чем же я вам помогу? — участливо отзывается Бурш.

— Джерика подержите!

— За какое место? — так же участливо вопрошает врач у протаскиваемой мимо нас старухи.

— Идиоты! За ошейник! Да сделайте что-нибудь!

— Могу Джерика пристрелить, — предлагаю я, сдерживая смех и кося глазом на арку в крепостной стене.

— Нет! Не смейте! Не вздумайте стрелять, я буду жаловаться! — орет старуха.

Джерик сбавил пыл, его хозяйке удастся встать на четвереньки. Я собираюсь ей помочь, но Бурш меня удерживает.

Высказав все, что она о нас думает, изгвазданная в пыли старуха пытается тянуть Джерика домой. Пес, весящий, пожалуй, столько же, сколь бабка, только сильно помоложе нее, помускулистее и тверже стоящий на четырех ногах, тянет хозяйку в другом направлении. И, разумеется, побеждает.

Особо отслеживать бабкину борьбу с домашним питомцем не получается — все-таки нечто, так напугавшее собак, еще там. За крепостной стеной, которая заборчик. Спускаем щенят на землю. Жмутся к ногам, не шалят.

Наконец подъезжает майор.

Из обшарпанного и местами помятого «лендровера» вместе с ним выскакивают Серега и бывший капитан Ремер, который теперь работает с нами. Они одеты несколько не по сезону — словно сейчас не лето, а морозная зима, да еще и защитными пластинами обвешались.

— Ну и где ваш собакоморф? — спрашивает майор.

— С чего это вы решили, что именно собако- и именно морф? — подозрительно осведомляется Бурш.

— Элементарно, Ваксон. Сейчас и проверим. Вы держитесь пока сзади, — буднично отвечает майор, перехватывая поудобнее тяжеленное охотничье ружье-автомат.

Они разворачиваются цепью, и мы все идем туда, где щенки напугались.

Вскоре щенки опять начинают беспокоиться и вырывать-ся. Но нам приходится двигаться вперед, успокаивая их, — с таким индикатором жить спокойнее, особенно когда рядом какая-то гадость. Морф и из собаки получается жутковатый, видели уже, приходилось. Да еще в придачу не пойми с чего у некоторых новые навыки появляются. Как у того сенбернароморфа, которого мотопатруль с дерева сшиб. Не мог залезть он на дерево ни за что, а залез и в общем грамотно засаду устроил, хорошо его в голых ветках пулеметчик разглядел. Сейчас-то все зеленое, прячась — не хочю.

Здесь как раз зелени хватает — это ж практически за чертой города зеленая зона, прибрежная полоса, правда изрядно замусоренная, какие-то гаражные кооперативы, вроде местные вообще это место Шанхаем называют. Мне оно известно только тем, что Вовка тут нашел на восемнадцатый день Беды живого парнишку — тот спрятался в туалете бензозаправки, что слева, и там отсиживался. Вроде он уборщиком, что ли, тут работал, вот и ухитрился протянуть на чипсах и печенье, что с витрины хватанул, убегая в свою фортецию. И даже не свихнулся, просидев столько времени в осаде.

А еще тут площадка, на которой мы занимаемся.

Трое одетых в стиле «не кусай меня собака» товарищей не торопясь идут перед нами. Мы приотстали — щенки дальше не хотят идти категорически. Изю всех сил не хотят.

Пока мы с ними возимся, ребята, видно, находят иско-мое — гулко грохают три выстрела.

— Всё с этим, тащите Хундфройляйн! — кричит нам Брысь.

— Что там было? — ору в ответ.

— Оно и было, — несколько неясно отвечает Серега.

Собаку приходится брать на руки. Так она чувствует себя несколько увереннее, но все равно старается вырваться. А ве-сит она уже с пуд где-то.

Морф оказывается ужасающим. Я таких не видал раньше, а еще меня пробирает хохот. При жизни животное это было самой мелкой собачонкой — таких в сумочках таскают. Чихуахуа, что ли, порода называется? Кого уж оно съело и как морфировало, мне не совсем понятно. Размером оно по-прежнему и до кошки недотягивает. Челюсти разве что увеличились и удлинились этаким клювом. Но вот пахло от него, как положено, — отчего другие собаки и пугались всерьез. Размеры

подкачали, а так вполне себе морф. Особенно издалека да по запаху.

Возникает вопрос — забирать ли эту падаль с собой для отчета, как положено, или нас засмеют? Морф-то меньше кошки.

Брысь принимает соломоново решение — если для отчета и не примут, то в некролаборатории будут рады и такому образцу. В конце концов, крысоморфы еще меньше размерами попадались. Но это не делало их менее опасными и шустрыми.

Сергея тем не менее хихикает. Ну да, отличный охотничий трофей, голову вполне можно на стенку повесить, а шкуру на ковер пустить. На коврик для мыши.

— Знаете, мне неловко, что мы вас по такому пустяковому случаю побеспокоили, — говорит Бурш майору, пока трупик упаковывают в мешок из черного пластика.

— Глупости не говорите, — невозмутимо отвечает Брысь.

— Почему глупости? — удивляется мой коллега вполне искренне. — Мы вооружены, умеем стрелять, а уж с такой мелкой ерундовиной справились бы. Ее же сапогом раздавить не проблема, даже без стрельбы.

— Если вас гнетет то, что мы съездили на заявку и ликвидировали бесспорно морфа, то это зря. Нашей группе это в зачет. Если гнетет то, что вы как бэ струсили, то это тем более зря. Не говорю уж о том, что только сейчас мы узнали, какой именно был морф, а получасом раньше никто понятия не имел об этом. Потому мог быть и какой-нибудь стокилограммовый мастиф, например, или фила бразильяна¹, не к ночи будь помянут. Много бы вы своими пукалками наработали бы? Не говорю о том, что собаченции вам стрелять бы не дали — задали бы лататы², дернули поводками в момент прицеливания... Так что все как должно. Нам ведь никакие потери не нужны, а?

— Да не хотелось бы. С чего вы решили, что это именно собакоморф?

— Тропность³. Есть такое слово?

¹ Фила бразилейру — бразильский мастиф, порода крупных служебных собак.

² Задать лататы (*простореч.*) — убежать без оглядки, опрометью, не помня себя.

³ Тропность — поворот, сродство, предпочтение, тяга к чему-либо, стремление к чему-либо, сочетаемость с чем-либо.

— Есть. Хотите сказать, что именно собакоморф тропен к собакам?

— Точно так. И это для собак сейчас самый страшный враг. На генетическом уровне. Хундфройляйн смелая девочка, видел я ее в деле. Раз она так напугалась, какие еще варианты. Вы мне лучше скажите, зачем вы тетку в пыли обваляли? Она на вас была очень зла, как я видел. Чем это вы женщину так окрысили?

— Она хотела, чтобы мы ее песика остановили и удержали.

— А вы что? Наш доктор-то уж всяко должен был кинуться на помощь страждущим. Хлебом его не корми, альтруиста. Хоть за фалды держи.

— Вообще-то он вроде бы собирался. Но я не рекомендовал. — Бурш иронично смотрит на меня.

— Ну а что я? Я ж не полез!

— И правильно, — кивает коллега.

— А растолковать? — спрашиваю я, потому что и впрямь интересно.

— Собака — стайное животное. Помните? Ага, помните. Так вот, бабка — она хоть числится этим псом на низшем уровне иерархии, но в своей стае. Он будет защищать себя и свою стаю. Значит, если будем хватать его, он разозлится, а ошейничек у него, к слову, шипованный. Так что пусть мадам сама за такой ошейник песика хватает. Если тормозить бабку, он опять же разозлится, уже защищая особь из своей стаи. А песик без намордника. Напуган, потому агрессивен вдвое.

— Странно, — хмыкает Брысь, — я считал, что собаке можно дать команду и она подчинится.

— Только если это нормальная собака и обучена понимать человеческий язык. Тогда она команду выполняет. Но то грамотная собака, а этот — дикарь, да еще и тупой. Вот представьте, как бы отнесся майор, если бы я схватил его за шиворот, да еще орал бы что-то на суахили или на чем там любит изъясняться ваш снайпер? Мне кажется, что майор отнесся бы к таким действиям неодобрительно.

Брысь посмеивается. Пример ему понравился. Только я подозреваю, что именно на суахили он бы как раз команды понял.

— Похоже, тут все. Поехали? — спрашивает Серега.

— Поехали. Вы, к слову, знаете, где эта собачница проживает?

- Знаю, — удивленно говорит Бурш.
- Значит, подтвердите нарушение пункта о намордниках.
- Может, не стоит давать делу ход?
- Стоит. Поверьте — стоит, — уже неуклюже залезая в машину, отвечает майор. — Вы с нами или остаетесь?
- Лучше пройдемся, — говорит мой коллега.
- А, ну бывайте!

Бурш, обращаясь к нашим щенятам, внушительно выговаривает торжественным тоном:

— Сия у нас победа может первая назваться, понеже над морфом псоглавым таковым никогда такой не бывало.

И угощает свою Исиду чем-то вкусным. Приходится не отставать.

Ага, значит, все в порядке, раз он пустился выдавать фразочки на архаичном языке. Любит он таковым щегольнуть, но только в спокойной обстановке.

— Нам здорово повезло, — замечаю я на тот случай, если коллега чего не понял.

— Вы даже не представляете себе, насколько вы правы, — распутывая переплетенные разыгравшимися детенышами поводки, отвечает Бурш.

— Почему же, видывал я уже несколько собакоморфов.

— Половину на снимках других поисковых групп, часть из БТР, а вот в атаке непосредственно на вас сколько?

— Трех.

— Только, увы, тогда вы были в составе охотничьей команды, потому думаю, что не прониклись толком, не восчувствовали, — ехидствует коллега.

— Почему же не проникся? Я, конечно, не знаю, что это за бразильяна такая, о которой майор толковал, но что касается хищников породы псовых — все-таки не совсем уж до ушей деревянный.

— Бразилейро. Фила бразилейро. Есть такие песики — особо крупные, специально выведенные для охоты на человека. Полагаю, вы таких и не видали, их, к счастью, пока еще мало. Кане корсо, мастино наполетано¹... Как было написано на одном из сайтов — я сейчас процитирую: «Считается, что

¹ Большие агрессивные собаки черного окраса. Обе породы произошли от большой древнеримской собаки; кане корсо меньше размером, но более подвижны.

предки мастино выступали на древнеримских аренах в битвах со львами, быками и другими животными, включая христиан».

— Что, так и было написано?

— Слово в слово. Ручаюсь.

— М-да, и раньше знал, что собачники — люди головой бабахнувшие...

— Полегче, коллега, полегче. На тот случай, если вы не заметили, — тут Бурш ехидно подмигивает, — вы как раз разговариваете с собачником, да и сами вы собачник. Хотя отчасти вынужден согласиться — кретинов среди собаководов много. Причем особенно у нас. Не так давно знакомым подарили как раз такого песика — из перечисленных пород. Группа пород «собаки с особо мощным укусом». Представляете, вероятно. Вот им песика подарил разочаровавшийся в нем банкир. Представьте, за три месяца на даче песик никого не разорвал. Пикантно?

— Не очень. Собачьи укусы я видал, лечить даже приходилось.

— Чьи, к слову, укусы были? — профессионально заинтересовывается Бурш.

— Кокер-спаниель, пудель, овчарка.

— Несерьезно. Собачки-то, мной названные, специально предназначались людей драть. Но при этом те, кто породы выводил, все-таки с головой дружили, потому старались вколотить псам, что не каждого человека надо рвать, а только того, на кого хозяин укажет. А у нас очередной придурок с деньгами покупает такое мощнейшее оружие — на манер гранатомета, пожалуй, — и при этом еще и недоволен, что его гранатомет сам по себе не стреляет, когда вздумается. Ему даже в голову не приходит, что в случае такой неуправляемости он сам первая мишень. Потому как именно он рядом всегда. К слову, владельцы и их семьи как раз чаще всего страдают. Недалеко ходить: виденная нами старуха по краю ходит. Ротвейлер вообще мужская порода, то есть признает над собой только еще более brutального самца, чем он сам. А уж ротвейлер — brutальный до чертиков. Значит, бабку обязательно накажет как-нибудь.

Бурш задумчиво смотрит туда, куда пес уволок свою «хозяйку», и продолжает грустно:

— К тому же многих собак надо выгуливать как следует.

Чтоб устали, а не до кустиков и обратно. Тот же ротвейлер — ком мышц, мышцы работать должны. Иначе собака дуреет, мощь ее распирает. И с алабаями¹ та же история — пять часов в день выгуливать надо, и с кавказцами, даже с мелкими стаффордширами и бультерьерами... Да, впрочем, ладно, что я тут лекции читаю. Нашим-то мамзелям гиподинамия не угрожает.

Мамзели действительно носятся вокруг нас как заведенные.

Настает время расставания: Буршу на дежурство, а мне домой надо. Выспаться.

Думал, что вот теперь будет не до компьютера, так режим дня восстановится. А черта лысого со свиристелками. Еще и ночь вышла какая-то дерганая, спал кусками, с утра словно из меня всю ночь веревки вили. И вроде бы ничего такого особенного, банальное дежурство, вполне все рутинно — то одно, то другое. Но встал как с левой ноги, и вообще...

Надежда Николаевна уже отужинать изволила, чай пьет. Сообщает последние новости: грибы у меня получились полиэтиленовые — ни вкуса, ни запаха, а вот мясо удачно. Притащила две бутылки какого-то навороченного вина — премировали ее за качественную работу. Предлагает завтра устроить пирушку, если день пройдет хорошо. К слову, Лихо Одноглазое приносил тут квартплату — мыша задавленного.

— Наверное, тоже к завтрашней пирушке пристроиться хочет?

— Возможно. А почему вы его не кормили сегодня?

Я удивляюсь. Отлично помню, что кормил.

— А с чего вы решили, что скотина не кормлена?

— Мявкал требовательно, все ноги собой истер и полную миску умял, когда насыпала.

— Удивляюсь, куда в него влезает. Кормил я его, проглот. Лихо! Морда твоя ненасытная, явись!

Куда там, явится оно. Оно уже дрыхнет. Без задних ног. Да и передних тоже.

Впрочем, коты, они — загадочные твари.

Слышал, что некий кот сожрал четыре кило шашлыка. Его взвесили — вес получился ровно четыре кило. Так все и оста-

¹ А л а б а й — среднеазиатская овчарка.

лись в недоумении — куда делся кот, если именно он сожрал шашлык. Но против нашего Лиха тот кот так, новичок зеленый.

Идея устроить пирушку мне определенно нравится.

Давно как-то не было пирушек. А вещь полезная. Мне вот, помнится, недавно Бурш глаза открывал, когда растолковывал, как щенка к коту приучить, — дескать, если животины в момент приема пищи видят друг друга, то отношение их друг к другу улучшается. Условный рефлекс по Павлову: в момент приятственный приема еды видишь другое существо, и оно записывается в подкорку, как тоже приятственное.

Я тогда сильно поразился, как, оказывается, просто объясняются человеческие пиры, семейные обеды и торжественные праздники. Тот же рефлекс. Черт возьми, недалеко мы от животин ушли, который раз убеждаюсь... Цари природы, да...

Спрашиваю соседку: какие пожелания к меню завтрашней пирушки?

На долю секунды задумывается и потом говорит заговорщицки:

— А сделайте мне сюрприз!

Приходится смотреть, что там за вино. Французское сухое и итальянское полусладкое.

Насчет того, что страшно дорогое... ну не знаю. Виноторговцы те еще штукари, а уж посредники и перекупщики совсем чума. Ладно, будем думать. Но это завтра. А на сегодня отбой.

Кот дрыхнет, щенок дрыхнет, а я что — рыжий?

Желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по комнатам. Все, баинькать.

Утром неожиданно выясняется, что на Блондинку двинет конкурирующая фирма, практически такая же ягдкоманда¹, что и наша. «Только они там все придурки», — как охарактеризовал их Вовка. С чего он так решил, не знаю, на мой взгляд, мужики как мужики.

Нас посылают в составе серьезной бронегруппы, которая идет за какой-то важной добычей, а мы попутно должны до-

¹ Я г д к о м а н д а — изначально охотничья группа: в годы Второй мировой войны так назывались истребительные команды в немецких войсках, предназначенные для уничтожения партизанских отрядов.

быть свой маленький кусочек счастья — главврач утверждает, что аккурат там же есть очень недурная лаборатория. Вот эту лабораторию нам и надо будет посетить с расчетом на реактивы и кое-какое оборудование. Для меня это весьма волнительное поручение — ни разу не был в том районе, понятия не имею, что за лаборатория, даже не слышал, совершенно не разбираюсь в том, что за оборудование надо брать. И вообще, это майор привез черт знает что в плане реактивов — и проскочило, а мне нельзя ошибаться, реноме упадет. Но даже моих знаний лабораторной номенклатуры достаточно, чтобы понять — все заказанное целиком относится к разряду выявления тех самых болезней, которые не от нервов, а от любви.

Коллеги в клинике поговаривали, что, видимо, нам светит очередное реформирование в свете того безобразия, которое вокруг творится — дескать, будем работать, как врачи китайского императора. А те получали жалованье, только пока император был здоров, а как только заболел — жалованья лишались за недогляд и небрежение обязанностями, пока царственного пациента не вылечат. Ну да это старая песня: вроде Пирогов говорил, что «фунт профилактики стоит пуда лечения». Это, собственно, никем и не оспаривалось. И дурацкая метода советского периода, когда чем больше больных, тем лучше работают врачи, сейчас никак не катит. Тут я мысленно даю себе пинка: советская-то метода профилактики как раз уважала. В общем, некогда думать, работать надо. Пока ситуация в Кронштадте мутная, вроде бы определилось несколько центров силы, наиболее мощный из которых штаб базы, но военного коммунизма не вышло, все проконтролировать штаб не успевает физически, потому есть разброд и шатания. Другое дело, что пока ресурсов хватает.

Но тут проблема, какие ресурсы нужны немедленно и кого направить для их добычи. Судя по тому, что я вижу, явившись к месту сбора, нашим попутчикам надо будет брать под контроль что-то очень солидное, например, нефтебазу или что-то в этом духе. Техники десятка три единиц, никак не меньше, да при том пять штук БТР. Остальные — упакованные по местной моде грузовики с защищенными сеткой стеклами, затянутыми рабицей кузовами и бойницами, позволяющими из кабины нанести урон любому нахалу. Вовка толковал, что и брони какой-никакой навешали — бронеспинки, двери. Должен отметить, что сделано все аккуратно, даже, я бы сказал, эле-

гантно. Не те самопальные чудовища, которые особенно часто можно видеть около барахолки. Вот уж там такие шушпанцеры¹ порой попадают, что впору вспоминать жутковатые одесские танки НИ².

Вот уж где разгулялась кошмарная фантазия наших мужчин — бронирование чем попало, вплоть до кровельного железа, самые дикие формы и причудливые технические решения. В фантастических фильмах такого было не увидеть, а тут... Но ведь дизайнерам всяких ужасиков не требовалось делать транспортное средство из подручного хлама и очень быстро, да еще при непосредственной ежеминутной угрозе жизни. Жить захочешь, еще и не так замыкаешь...

Колонна выкатывается точно в десять утра. Мы прем третьими с конца. Ловлю себя на том, что, когда идешь в мощной группе, поневоле становится приятно. Душу греет вид такого ударного кулака. Немного смешно вспоминать то время, когда мы с моим приятелем Сашей неумело, но старательно пытались действовать боевой парой. Черт, страшно давно это происходило — в первую ночь Беды, когда город был еще жив, когда все еще было как всегда, но это было последним мгном — словно в падающем самолете, где все нормально, все как должно, все благополучно, но ничем не остановить смертельного удара о землю. Жутко тогда было.

Сейчас-то совсем иное дело: и люди вокруг толковые, проверенные, и опыт уже есть, да и оружия в колонне хватает. Зомби не такой уж и страшный противник. Просто их очень много...

Тут я мысленно даю себе подзатыльник. Противник страшный. Вездесущий. Даже твой близкий друг может в момент стать таким врагом, тому примеров полно было, да и сейчас еще бывает. Рекомендации по безопасности в быту не то что разработаны, а уже и опубликованы, и распечатаны, и доведены, казалось бы, до всех, но безалаберной публики у нас хватало всегда — и в городе то и дело происходят инциденты самого глупого свойства. Последний нашумевший, когда придурковатая девочка, заигравшаяся в готов или привыкшая та-

¹ Шушпанцер — название всяких бронированных уродцев и вообще необычной и удивительной бронетехники, предложенное блогером и писателем А. Мартыновым.

² НИ — «На испуг», так назывались трактора с самодельным бронированием и легким вооружением, использовавшиеся при обороне Одессы.

ким способом шантажировать свою мамашу, повесилась дома. Мамаша кинулась снимать рыпающуюся в петле дочу, забыв о том, что теперь мертвец вполне себе шевелится после смерти. Доча маму тяпнула, мамаша кинулась за соседями, доча за мамой... На ровном месте потеряли четырех человек, не считая дуры готичной. Да и мало ли где человек может помереть. В больнице вон на ночь пациентов тяжелых ненавязчиво привязывают к кровати. А то и там были случаи.

— Слушай, мне тут мысль в голову пришла! — перекрикивая гул мотора, заявляет сидящий рядом Саша.

— Гони ее палкой!

— Не, погоди. Я серьезно.

— Ну?

— Вот ты Стругацких читал?

— Ну?

— Помнишь, у них были такие прогрессоры. Наши люди со светлыми гуманными идеалами, пытающиеся подтянуть до уровня Мира Полдня всякие разные недоделанные цивилизации на вновь открытых планетах? Про это у них много где было, и в «Трудно быть богом», и в «Обитаемом острове». Помнишь?

— Помню. А это ты к чему?

— Погоди, а то не сформулирую толком. — Саша застенчиво улыбается.

— Нам пилить на такой скорости минимум полчаса по безопасной зоне, так что времени хватит, — успокаиваю я его.

Сидеть на теплой броне приятно, день начинается солнечный, свежий, летний. Воздух тут вкусный, морем пахнет, даже намек на трупную вонь нету. Но скоро нанюхаемся.

Трасса здесь зачищена, патрулируется, так что обидеть нас вряд ли кто может, да и смотрим мы на обочинки, смотрим. Уже привычно взгляд прочесывает прилегающие к дороге участки.

— Так вот, про прогрессоров. Это в Советском Союзе было положено относиться к другим по-человечески. Лечить там всяких аборигенов, учить, вытягивать им экономики. У Ефремова, кстати, то же самое было в «Часе Быка»...

Начитанный все-таки парень этот Саша. Даже странно. Ишь, разволновался, покраснел.

— Но ведь возможно и обратное. Об этом не писалось в нашей фантастике, потому как человек человеку друг, товарищ и брат. Потому всяких разных аборигенов надо тянуть в человеческую жизнь, — продолжает он.

— Ну да, без голодухи, инфекционных болезней, нацизма, с всеобщей грамотностью и поголовной диспансеризацией. Это ты все к чему ведешь?

— Да к тому, что если были настроения насчет прогрессорства, то почему бы не допустить, что у кого-то обратно же могло быть — регрессорство. Я обо всей этой гаже вокруг. — Саша делает широкий жест рукой, охватывая половину колонны, чахлый кустарник и камыши на островке в полусотне метров от трассы с куском Финского залива.

— Полагаешь, злые инопланетяне прикинули, что человечество чересчур разыгралось, и подкинули нам эту хренотень? Дескать, бэк ту Средневековье?

— Пока у нас нет внятного объяснения всему случившемуся, почему бы и нет? Регресс-то налицо, а? А потом, я читал рассказик, там промышленный магнат оказался инопланетянином, ради своей планеты старался, работая в скафандре «под человека». Болел и страдал, потому как обмен веществ у него был другой, а для того, чтобы подготовить колонизацию, требовалось внести в атмосферу побольше окиси углерода, серы и прочих тяжелых металлов. Вот вся его деятельность и шла к тому, чтоб загадить Землю погуще и сделать ее атмосферу пригодной для своих, под себя подогнать...

— Саша, ты сейчас такого наговоришь, что вполне потянет на добротную хоррор-фантастику.

— То есть считаешь, что я ерунду говорю?

— Нет, ты не обижайся. Мы пока не знаем, что тут у нас стряслось, так что все версии вполне годятся как рабочие. Вон тот бородатый связист, который нас обучал работе с рацией, помнишь, толковал, что ведьмаки — это как раз охотники на морфов, и сами, что характерно, морфы. И даже их замок Казн Морхен на самом деле просто искаженное селянами Казн Морфен, то есть Пещеры Морфов? И стрыги, дескать, тоже морфы, но обратимые еще?

— Связиста помню. А ведьмаки — Сапковский, что ли, да?

— Ага, пан Анджей. Но с моей колокольни все и гаже, и проще. Тут нам и инопланетян не надо, люди вполне себе за свою историю регрессорством занимались. Это Советский Союз такой странный был, остальные нормальные страны отлично соседей гнобили как могли. А уж метрополии как свои колонии регрессировали, просто песня.

— Но ведь и цивилизовали же, не только регрессировали!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗОМБИЯ

*Методическое пособие для врачей,
среднего и младшего медперсонала
(Издание второе, адаптированное)*

Зомбия — острое инфекционное вирусное заболевание. Протекает в двух формах: латентной и острой. Связано это с неизученной пока специфической мутацией вируса — возбудителя болезни. Мутация происходит при биологической смерти организма — носителя латентной формы заболевания. Носит характер пандемии.

Пути заражения

На всех этапах развития заболевания пораженный организм обеспечивает заражение окружающей среды вирусным материалом.

А. Заражение латентной формой вируса происходит:

1. Воздушно-капельным или воздушно-пылевым путем.
2. Фекально-оральным путем.
3. Трансмиссивным путем.
4. Контактным — прямой контакт с больным (за исключением контакта с больными в активной стадии заболевания), вирусоносителем или через загрязненные предметы обихода, т. е. непрямым контактом (не доказано).
5. Половым путем.
6. При использовании нестерильных медицинских инструментов.
7. Вертикальным.

Б. Заражение острой формой заболевания происходит при

контакте с носителем мутировавшего во вторую форму вируса, как правило находящимся в терминальном состоянии (зомби). Опасны все биологические жидкости такого больного, в первую очередь кровь, лимфа, слюна. Попадание зараженной острой формой вируса-возбудителя слюны, крови и пр. на слизистые и в кровоток латентного носителя вируса приводит в 100 % случаев к смерти и переходу пациента из латентного периода в острый период заболевания зомбией.

Этиология зомби

Инфекция является антропозной и зоонозной и носит эпидемический характер. Особое значение в эпидемиологии заболевания несут здоровые носители латентной формы, то есть зараженные вирусом люди без клинических симптомов заболевания и способные заражать других людей. Эпидемическую опасность представляют практически все носители латентной формы. Особенную опасность представляют носители мутировавшего в возбудителя острой формы вируса.

Сам вирус пока не идентифицирован и не изучен, известно, что он является искусственно полученным в ходе генно-инженерной деятельности.

Симптомы зомбии

От времени, когда человек заразился, до проявления первых симптомов заболевания при латентной форме проходит от 2 часов до 2 суток, в большинстве случаев — сутки. Клиника носит различный характер: от скрытого вирусоносительства при латентной форме до тяжелых форм заболевания при острой, приводящих к смерти за считанные часы (от получаса до 2 суток).

Симптомы зомбии проявляются полиформно. Как уже указывалось, при латентной форме это скорее положительная динамика в ходе других заболеваний и ранений. В случае заражения острой формой (обычно через укус соответствующего инфицированного зомби) — слабость, возбудимость, повышенная потливость. Возможна рвота. Температура. Появляются симптомы обезвоживания: жажда, сухость во рту, тахикардия. Заторможенность вплоть до ступора. Заостряются черты лица. Более полный список симптомов приведен ниже.

Зачастую при заражении вирусом в мутировавшем состоянии (контактным путем с инфицированием открытой раны —

через кровь или слизистой оболочки), вообще контакта с заболевшими, находящимися в острой стадии заболевания, больной обычно получает дополнительно травмы, не совместимые с жизнью.

Острая форма заболевания дает ранее не описанную симптоматику. После наступления клинической смерти больного-вирусоносителя (за исключением смерти, вызванной более чем на 5 % физическим повреждением головного мозга) вирус, вероятно, берет под контроль мозг и организм умершего больного с целью обеспечения жизнедеятельности его организма и после клинической смерти, приводя его в состояние т.н. «зомби». Данное явление до конца не изучено в связи с продолжающейся пандемией. Симптомы на данном этапе характеризуются повышенным аппетитом, склонностью к каннибализму и значительным полиморфизмом. Таким образом, вирус, изменяя тело человека и животных, адаптирует его к максимальной эффективности при нападении на животных и людей и употреблении их в пищу.

При этом процесс изменений зависит от окружающих условий, а также от объема и качества потребленной пищи. При их значительных объемах полиморфизм достигает этапа формирования стадии т.н. «морфа».

Стадия «морф» характеризуется наличием высокоорганизованного поведения, в т.ч. стайного, быстрой реакции и выносливости. При этом индивидуальные особенности формирования организма «морфа» определяют его поведение в дальнейшем. Отмечено высокое разнообразие морфизма (наличие хвоста, саблезубых клыков, сходство с членистоногими и т.п.), что пока невозможно объяснить с научной точки зрения.

1. Начало заболевания при инфицировании острой формой возбудителя проходит остро, нередко с ознобом или познабливанием, быстро повышается температура тела, и уже в первые часы лихорадка достигает максимального уровня (38 — 40° С). Отмечаются слабость, потливость, сильная головная боль, боль в мышцах, в глазах и симптомы поражения дыхательных путей: сухой кашель, першение в горле, саднение за грудиной, осиплость голоса.

1 — 8 часов

2. На следующем этапе отмечаются осложнения со стороны ЦНС (центральной нервной системы). Проявляются в головной боли, раздражительности, повышенной чувствитель-

ности к внешним раздражителям, светобоязни. Характерно снижение числа лейкоцитов в крови. Больной впадает в забытие, глубокий сон, обморочное состояние.

1 — 4 часа

3. Клиническая смерть. Биологическая смерть.

До 1 часа

4. Начало функционирования организма в состоянии «зомби», т.н. «обращение». Больной характеризуется повышенной агрессивностью, низким контролем за координацией движений, резким запахом ацетона. Внешние признаки такого состояния: наличие кровоподтеков и следов укусов, несфокусированный «тяжелый взгляд», неуверенная медленная «падающая» походка, вытянутые руки и скрюченные пальцы. Данное состояние продолжается до взятия под контроль организма вирусом.

12 — 36 часов

5. После употребления мышечной ткани и внутренних органов млекопитающих (3 — 15 кг, особенно при употреблении тканей своего вида) больной в состоянии «зомби» в течение первых часов начинает быстро и уверенно передвигаться, появляется устойчивая тенденция к совершению «осмысленных» действий (прятаться, использовать подручные средства, проявлять свойства полиморфизма, вырабатывать простые и сложные рефлексy). Начинается процесс перехода в стадию «морф», при этом обычно в первую очередь изменяются конечности и кости черепа: формируются удлиненные челюсти с ярко выраженными клыками, ногтевые пластины ороговевают и приобретают значительную длину и твердость.

6. При понижении окружающей температуры и отсутствии пищи все активные формы вирусоносителей впадают в т.н. спячку, которая может длиться достаточно продолжительное время (не изучено).

7. Не любят сухости и повышенной влажности. Замечена отрицательная реакция на большие массы воды. При пребывании в воде сравнительно короткие сроки у «зомби» происходят необратимые изменения в структуре мускулатуры и внутренних органов (перерождение в жировоск).

Лечение зомби

Пассивная форма вируса в настоящее время является универсальным лекарством от целого ряда заболеваний, в связи с

чем лечение на этой стадии не проводится. Существующие медицинские препараты при зомби-вирусе не помогают!

Алкоголь в больших дозах, курение и иные излишества ослабляют иммунную систему больного, что может способствовать замедлению распространения вируса зомби по организму, тратящему время на усиление иммунитета больного. Свежее сало (а не мороженое) и чеснок — иммуномодуляторы, которые также замедляют распространение заболевания в латентной стадии.

В период пандемии для профилактики болезни нужно принимать специфические меры по выявлению больных (имевших контакт с больными в активной стадии заболевания — «зомби» и «морф») и помещению их в карантин, до т.н. «обращения».

Больные в активной стадии острой формы заболевания (после обращения) подлежат уничтожению путем разрушения более чем 5 % объема головного мозга (аналогично повреждению мозга пулей 22-го калибра). Остатки зомби подлежат кремации во избежание создания кормовой базы для других обратившихся.

В случаях повреждения укусом инфицированного конечностей показана молниеносная ампутация.

Коллектив авторов

Т. С. Новикова,
*некроанатом ИЦ
Тульской комендатуры*

КЛАССИФИКАЦИЯ СТАДИЙ РАЗВИТИЯ НЕКРООРГАНИЗМОВ

Первая стадия — «шустер». Мертвяк, вкусивший свежатишки в достаточном для исправления повреждений организма количестве. Примерно столько успеет сожрать зомби со свежего трупа, прежде чем тот обратится. Более подвижный и ловкий, чем исходный зомби, но с неизменным фенотипом.

Вторая стадия — «попрыгун». Прокачивает один навык, который более всего был необходим, но недоступен на предыдущих стадиях. Прыжок, ломание решетки, пробивание черепа, чтоб жертва не обратилась. Незначительное усиление челюстей, исчезновение лишних тканей на морде, мешающих эффективно жрать. Чтобы так морфировать, нужно съесть свежий необратимый труп «на троих». Морфоз занимает около двух суток.

Третья стадия — «комплексная оптимизация». Когти, зубы, крокодилья пасть, кенгуриные ноги, прыжки по зданиям с забросом в окна, вырывание решеток и т.п. Некоторое повышение интеллекта — примерно до уровня мелких грызунов. Требуется поедание несколько трупов, время морфоза порядка недели.

Четвертая стадия — «монстр». Вариаций очень много, все зависит от предыдущего опыта твари. Бронирование черепа, смещение мозга (если при нежизни в него стреляли и он сообразил, чем это кончается) и тому подобное.

Пятая... Антропоморфа пятой стадии никто из живых не видел еще. Тварь (крысоморф) размером со среднюю собаку, клыки-иглы, чтоб сразу голову прокусить, усиление способностей лазить по разным поверхностям, мощный прыжок... В общем, если бы оно не было таким маленьким, без БТР на такую тварь даже пытаться наезжать не стоит.

СОДЕРЖАНИЕ

МЫ ИЗ КРОНШТАДТА. ПОДОТДЕЛ КОММУНХОЗА ПО ОЧИСТКЕ ОТ БРОДЯЧИХ МОРФОВ. <i>Фантастический роман</i>	5
Приложение	
<i>Зомбия. Методическое пособие для врачей, среднего и младшего медперсонала.</i>	403
<i>Т. С. Новикова. Классификация стадий развития некроорганизмов.</i>	408
<i>Николай Берг. Про зомби</i>	410